

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07

УДК 327+303.71+51–77

АНАЛИЗ ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

КРЫЛОВ Данила Сергеевич

научный сотрудник Отдела Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-код: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

Для цитирования: *Крылов Д.С.* Анализ идейно-ценностного потенциала государств Ближнего Востока на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 113–133. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07.

Аннотация. В представленном исследовании рассмотрено идейно-ценностное пространство Ближнего Востока, определены ключевые характеристики данной подсистемы международных отношений в условиях глобальной трансформации современного миропорядка. Представлено авторское определение понятия «идеологема», которая представляет собой устойчивый концептуализированный идейно-ценностный конструкт, сформулированный государством с целью провозглашения или достижения определенных национальных интересов.

Также в рамках проведенного исследования была предложена экспериментальная математическая модель анализа и оценки потенциала реализации государствами идеологем. В основе модели лежит принцип минимально-максимальной нормализации четырех основных параметров-потенциалов государств – экономической и военной мощи, индекса «мягкой силы» и индекса человеческого развития. Предложенная модель была проверена на ближневосточной подсистеме международных отношений.

По результатам проведенных оценки и анализа потенциала государств логико-математическим путем была сформулирована система типологизации стран исходя из комбинации сильных и ослабленных потенциалов. Сделан вывод о важности изучения идейно-ценностного

потенциала государств в рамках отдельных подсистем международных отношений, поскольку для России это открывает новые горизонты стратегического планирования и дает возможность укреплять позиции на переломном треке.

Ключевые слова: Ближний Восток, идеологемы, идеи, ценности, интересы, Турция, Саудовская Аравия, Иран, экспериментальная модель, система международных отношений, полицентричный миропорядок.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 123091200078-3 «Россия и Незапад в условиях трансформации идейно-ценностной конфигурации мирового порядка» в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Analysis of Ideological and Value Potential of Middle East Powers at Present Stage

Danila S. KRYLOV

Research fellow of the Department of Middle
and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-code: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

For citation: Krylov D.S. (2023). Analysis of Ideological and Value Potential of Middle East Powers at Present Stage. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (3), pp. 113–133. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07.

Abstract. The presented study examines the ideological and value space of the Middle East and identifies the key characteristics of this subsystem of international relations in the context of the global transformation of the modern world order. The author's definition of the concept "ideologeme" is presented, which is a stable conceptualized ideological and value construct formulated by the state with the aim of proclaiming or achieving certain national interests.

Also, as part of the study, an experimental mathematical model was proposed for analyzing and assessing the potential for states to implement ideologies. The model is based on the principle of minimum-maximum normalization of four main parameters-potentials of states – economic and military power, the soft power index and the human development index. The proposed model was tested in the Middle East subsystem of international relations.

Based on the results of the assessment and analysis of the potential of states, a system of typology of countries was formulated using a logical and mathematical method based on a combination of strong and weakened potentials. A conclusion is drawn about the importance of studying the ideological and value potential of states within the framework of individual subsystems of international relations, since for Russia this opens up new horizons for strategic planning and makes it possible to strengthen its position on the negotiation track.

Keywords: Middle East, ideologems, ideas, values, interests, Turkey, Saudi Arabia, Iran, experimental model, system of international relations, polycentric world order.

Acknowledgments. The article was prepared as part of the scientific project No. 123091200078-3 “Russia and the Non-West in conditions of transformation of ideological and value configuration of world order” at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

Ближневосточная подсистема международных отношений в условиях трансформации современного миропорядка

Трансформация современного миропорядка¹, ускорившаяся после начала Специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г., интенсифицировала процесс формирования новых центров силы в рамках будущей модели международных отношений. Российская Федерация, проводя внешнеполитический курс, исходит из тезиса, что конструируемый миропорядок должен быть полицентричным². При этом Москва готова не только публично заявлять о своем видении будущего, но и прикладывать усилия для претворения данной модели в жизнь³. Вместе с тем, хотя поли-

¹ Ст. 6. Стратегия национальной безопасности России 2021 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // Сайт Президента России. – 02.07.2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.09.2023).

² Термины «полицентричность», «многополярность» и «многополюсность» в рамках данного исследования являются синонимами. Аналогичное относится к терминам «центр силы», «полос влияния» и т.п.

³ Гузенкова Т.С., Бюрюков Е.С. Российский взгляд на будущее мирового порядка и международных отношений // Российский институт стратегических исследо-

центричный миропорядок выглядит одним из наиболее «демократичных», поскольку предполагает одновременное существование нескольких центров силы, усложняющих и по-новому иерархизирующих современные международные отношения⁴, он также несет риски усиления конфронтации между государствами на региональном уровне⁵, в случае если попытки достичь компромисса интересов потерпят фиаско. Новый миропорядок, как можно видеть на современном этапе, вероятнее всего будет динамично изменяющимся, что может негативно сказаться на межакторных отношениях и на общем уровне стабильности системы⁶.

Что касается идеологической составляющей нового полицентричного миропорядка, то в настоящее время остается несформулированной на глобальном уровне⁷. Вместе с тем на уровне отдельных региональных подсистем государства, стремящиеся и становящиеся региональными или даже кросс-региональными лидерами, постепенно формируют идейно-ценностные конструкты, исходя из собственных моделей ценностей, идей и интересов.

Ближний Восток не стал исключением. Данное пространство, представляющее собой одну из подсистем современных международных отношений, всегда занимало важное положение в силу географических, политических, экономических и исторических особенностей, а также в целом богатства энергоресурсами. Следует отметить, что в рамках данного исследования под Ближним Востоком понимается не просто географический регион, но геополитическое пространство, т.е. синергия географических характеристик, политических интересов и государственных векторов,

ваний. – 23.10.2017. – URL: <https://riss.ru/analitica/rossiyskiy-vzglyad-na-budushcheyemirovogo-poryadka-i-mezhdunarodnykh-otnosheniy/> (дата обращения: 21.08.2023).

⁴ Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентрической системе международных отношений // Обозреватель-Observer. – 2018. – № 11. – С. 39–40.

⁵ Пономарева Е.Г. Сумма методологии. Современная политическая наука // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 2 (57). – С. 179–184. – DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.10.

⁶ Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. – 2017. – № 1. – С. 56–57. – DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-55-63.

⁷ Штоль В.В., Задохин А.Г. Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития // Обозреватель-Observer. – 2019. – № 1. – С. 14.

которые складываются в пространство⁸, включающее в себя государства Аравийского полуострова, Машрика (Иордания, Ирак, Ливан, Палестина, Сирия), Израиль, а также три государства, которые граничат с указанными выше – Турция на севере, Иран на востоке и Египет на западе.

Говоря о характерных особенностях Ближнего Востока, которые хотя и не являются исключительно присущими только данному пространству, но при этом оказывающими значительное воздействие на все формы межакторного взаимодействия (в первую очередь межгосударственного), следует отметить высокий уровень конфликтности, усугубляемый как внутригосударственными противоречиями, так и активным вовлечением внешних игроков в региональные процессы; ограниченность ресурсов (неравномерность их распределения); рост числа и потенциала региональных лидеров, а также стремление отдельных государств к ревизии мирового и регионального порядка. В совокупности данные факторы также усугубляются сложностями межгосударственного диалога и систематическими кризисами диалогового процесса и попыток поиска компромиссов. Постоянная угроза радикализации существующих противоречий и распространения фундаменталистских идейных концептов, также повышает общий конфликтный потенциал Ближнего Востока.

При этом современные процессы трансформации миропорядка все в большей степени приводят к постепенной регионализации и кластеризации международных отношений. В рамках ближневосточной подсистемы это ведет, с одной стороны, к интенсификации различных внутренних процессов по формированию лидеров, с другой – в определенной степени к возникновению новых и усилению существующих противоречий, а с третьей – все большее значение приобретают надгосударственные (и даже надрегиональные) формальные и неформальные объединения. Так, на Ближнем Востоке и в связанных с этим пространством процессах происходит постепенное увеличение значимости таких структур, как ОПЕК/ОПЕК+, Совет сотрудничества арабских государств

⁸ Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.

Персидского залива, Лиги арабских государств и других⁹. При этом под увеличением значимости понимается не столько результативность этих форм взаимодействия государств, сколько в целом их важность как площадок для участия в глобальной и региональной публичной дипломатии.

Однако следует учитывать, что за все время существования независимых ближневосточных государств, в регионе так и не сформировалась долгосрочная устойчивая и эффективная система обеспечения и поддержания безопасности. Вместо этого имеется ряд структур декларативного характера (определяющих цели и направления борьбы, но не предлагающие и не поддерживающие конкретные способы разрешения существующих вызовов и угрозы), например, «Щит полуострова» в рамках Совета сотрудничества арабских государств персидского залива^{10,11} или «Исламская военная коалиция по борьбе с терроризмом» во главе с Саудовской Аравией¹². В этой связи у государств региона существует определенный запрос на построение действенных архитектур безопасности, а страны Запада не оставляют попыток формирования «Ближневосточного стратегического альянса»^{13,14}. Россия имеет собственное видение региональных процессов в области

⁹ Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – Т. 64, № 6. – С. 107. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113.

¹⁰ Беленькая М. Полуостров бурь: зачем Саудовская Аравия начала войну в Йемене // *РИА Новости*. – 26.03.2015. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1857491> (дата обращения: 10.09.2023).

¹¹ Guzansky Y. Defence Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test // *Middle Eastern Studies*. – 2014. – Vol. 5, Issue 4. – P. 640–654. – DOI: 10.1080/00263206.2014.901219.

¹² Islamic Military Counter Terrorism Coalition // Official Website (web-archive). – URL: <https://web.archive.org/web/20191017073915/https://www.imctc.org/Arabic/FocusAreas> (дата обращения: 12.09.2023).

¹³ Никитина Н., Алексеева Н. НАТО по-арабски: возможно ли создание анти-иранского военного альянса между США и ближневосточными странами // *RT на русском*. – 31.08.2018. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/549848-ssha-vostok-objedinenie> (дата обращения: 10.09.2023).

¹⁴ Kurtzer D., Seeley M. The Middle East's Evolving Security Landscape: Prospects for Regional Cooperation and US Engagement // *IAI Papers*. – May 2020. – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2010.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).

безопасности и предлагает, в первую очередь ключевым ближневосточным кросс-региональным державам, задействованным в сирийском урегулировании, участие в инклюзивной архитектуре безопасности¹⁵. Данный формат предполагает вовлечение в диалог на равных условиях всех акторов, которые оказывают решающее влияние на региональные процессы в сфере поддержания мира и стабильности¹⁶.

Идеологема как система устойчивых интересов, ценностей и идей

Исходя из определения национального интереса и стратегических национальных приоритетов¹⁷, которые сформулированы в Стратегии национальной безопасности России 2021 г., можно выделить два основных направления государственных интересов: обеспечение безопасности и способствование устойчивому развитию. Другим аспектом национальных интересов является их уровень важности для существования государства, что напрямую влияет на вероятность возникновения конфликта. Существует много подходов к классификации интересов, однако в рамках данного исследования они разделены на три уровня: незначительные, значительные и жизненно-важные (экзистенциальные). При этом следует различать реальный уровень интереса и декларируемый на региональном или глобальном уровне.

Интересы движут государство «вперед» в политико-историческом пространстве, определяют цель существования и в общем смысле оказывают влияние на скорость реализации определенных

¹⁵ Аватков В.А. Новая система будущего Сирии: трехсторонний подход // Сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». – 06.04.2018. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/> (дата обращения: 11.09.2023).

¹⁶ Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.

¹⁷ Ст. 5. Стратегия национальной безопасности России 2021 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // Сайт Президента России. – 02.07.2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.09.2023).

элементов политического курса государства. Говоря с позиции системного подхода, интересы будут определять формы и виды взаимодействия, связи между элементами системы. И для этого, помимо направленности и уровня важности, следует учитывать конструктивный, деструктивный, смешанный (конструктивный в одних аспектах и деструктивный по другим направлениям) или неопределенный формат реализации интереса.

Что касается региона Ближнего Востока, то указанные ранее характерные особенности этого пространства, в первую очередь связанные с высоким уровнем конфликтности, приводят к примату интереса обеспечения национальной безопасности (как от внутренних, так и от внешних угроз) над устойчивым развитием. При этом для большинства государств интересы данной направленности являются жизненно-важными. Это связано в том числе и с тем, что на Ближнем Востоке вооруженные конфликты воспринимаются не просто как потенциальная угроза, которая теоретически может возникнуть в будущем, но как составная часть реальности, среды, в которую погружены государства и в которой существуют межгосударственные отношения. Задача обеспечения соответствующего уровня безопасности, в свою очередь, приводит государства к необходимости наличия не только высокого военного потенциала, который в теории может оказать решающее значение на исход потенциального конфликта, но также сильной экономики и развитых инструментов публичной дипломатии, «мягкой силы» и иных способов непрямого (в том числе информационного) воздействия на третьи страны¹⁸. Кроме того, в рамках данного интереса повышается значимость приграничного (периферийного) пространства государств, что открывает новые горизонты для сотрудничества по широкому спектру вопросов, включая проблемы безопасности.

Что касается ценностей, то они включают в себя различные нарративы, тезисы и нематериальные ориентиры. Развиваясь внутри страны, ценности оказывают воздействие в том числе и на

¹⁸ Подберезкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обзоратель-Observer. – 2016. – № 12 (323). – С. 24.

формирование внешнеполитических векторов государства¹⁹. Таким образом, идейные концепты обретают фундамент в виде традиций и имеют определенные рамки существования, которые соответствуют границам ценностей. Вместе с тем ценности не являются ресурсом, т.е. не могут быть получены или потрачены. Однако они могут трансформироваться со временем, без серьезных эволюционных изменений. Если говорить с точки зрения системного подхода, то ценности формируют среду, в которой находятся элементы системы и связи между элементами.

Наконец, создавая идейно-ценностные конструкты, государства также формируют идеи, т.е. концепты, которые предлагаются и продвигаются как во внутривнутриполитическом пространстве, так и на международной арене. В рамках системного подхода идеи формируют совокупность элементов, которые связаны между собой различными интересами-целями и погружены в среду ценностных ориентиров. Таким образом, когда происходит определенного рода синтез идей, интересов и ценностей государства, возникают **идеологемы** – устойчивые концептуализированные идейно-ценностные конструкты, стратегемы государства, тезисы и нарративы, сформулированные с целью провозглашения или достижения определенных национальных интересов²⁰. Идеологемы в рамках своего существования проходят три стадии: 1) стадия провозглашения, 2) стадия осуществления (реализации), 3) стадия достижения поставленных целей.

Важно отметить, что аналогично идеям и интересам, идеологемы могут быть как направлены на внутреннюю политику государства, так и определять внешнеполитическую стратегию и курс государств, равно как и совмещать обе направленности. При этом даже если идеологемы не прописаны в официальных документах, они все равно существуют у государств, которые претен-

¹⁹ Дегтерев Д.А. Содействие цивилизационному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2. – С. 53.

²⁰ Аватков В.А., Крылов Д.С. Внешнеполитические идеологемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 163–174. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-163-174.

дуют на роль региональных лидеров и / или стремятся к ревизии мирового и регионального порядка. Отсутствие внешнеполитических прописанных принципов может означать, например, переходную форму внешней политики государства, незавершенный поиск своего места в рамках существующей глобальной системы международных отношений²¹.

Экспериментальная модель анализа и оценки потенциала реализации государствами идеологем

Поскольку идеологемы носят концептуальный характер, то они не обладают ресурсами, направленными на достижение интересов и реализацию поставленных идей. В этом случае государства должны в первую очередь исходить из оценки собственного потенциала в тех сферах (пространствах), которые наиболее подходят для достижения поставленных целей. В рамках данного исследования была выдвинута гипотеза, что с точки зрения реализации интересов безопасности и устойчивого развития, наиболее важными для государства-актора является экономическая и военная мощь, потенциал воздействия на другие страны в сфере «мягкой силы», а также общий уровень жизни, грамотности и образования в государстве (социально-гуманитарная сфера, способствующая развитию страны).

В рамках данного исследования была сформулирована и проверена **экспериментальная модель** анализа и оценки потенциала реализации государствами идеологем на примере стран Ближнего Востока. В рамках данной экспериментальной модели были взяты четыре параметра, каждый из которых был приведен к единой удобной форме анализа на основании метода минимально-максимальной нормализации, в рамках которой потенциал каждого государства по каждому параметру принимает значения от 0 до 1.

²¹ Аватков В.А. Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль. – 2016. – № 5 (1659). – С. 27–38.

Данный метод предполагает использование следующей формулы для оценки каждой переменной в массиве данных по каждому параметру в отдельности:

$$(X - N) / (M - N),$$

где X – нормализуемая переменная,

N – минимальное значение переменной в массиве данных,

M – максимальное значение переменной в массиве данных.

К параметрам, которые анализировались, относятся ВВП по паритету покупательной способности по данным Всемирного банка на конец 2022 г.²² (использован для оценки экономического потенциала государства), рейтинг совокупной военной мощи государства Global Firepower (PwrIndx)²³ по состоянию на 2023 г. (для оценки военного потенциала), индекс «мягкой силы» государства (Global Soft Power Index)²⁴ по состоянию на 2022 г. (для оценки потенциала «мягкой силы», а также Индекс человеческого развития (ИЧР)²⁵ по данным отчета Программы развития ООН 2021/2022 (для оценки социально-гуманитарного потенциала развития).

Среди представленных показателей отдельного внимания заслуживает индекс военной мощи государства PwrIndx, который ввиду методологического подхода автора является тем более высоким, чем ближе к нулю (т.е. 0 – это теоретический балл, достигнуть которого невозможно). В этой связи для удобства оценивания число PwrIndx было возведено в минус первую степень (иначе говоря $1 / \text{PwrIndx}$), что позволило провести прямую пропорцио-

²² GDP, PPP (current international \$) 2022 // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (дата обращения: 12.09.2023).

²³ Global Firepower 2023. – URL: <https://www.globalfirepower.com/> (дата обращения: 12.09.2023).

²⁴ Global Soft Power Index 2022. – URL: <https://brandirectory.com/softpower/map?region=1&metric=1&statement=0> (дата обращения: 12.09.2023).

²⁵ Human development report 2021/2022 // United Nations Development Programme. – 2022. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22pdf_1.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

нальность между значением и потенциалом: чем выше число, тем выше потенциал. Кроме того, ВВП по ППС для всех стран измерялся в млрд долл. США.

После применения метода минимально-максимально нормализации были получены представленные в таблице 1 значения по четырем параметрам, при которых нормализованное значение «1» означает государство с самым высоким потенциалом среди всех ближневосточных акторов, а «0» – государство (одно или несколько) с самым низким потенциалом (при отсутствии информации по потенциалу государства ему также присваивалось значение «0»). Соответственно, чем выше значение нормализованного показателя, тем выше потенциал государства в рамках соответствующего параметра. При этом значение «1» может быть только у одного государства-лидера, а все остальные – представляют собой долю от единицы. Например, экономический потенциал Турции исходя из нормализации показателя ВВП по ППС равен «1» (т.е. Турция является экономическим лидером в регионе Ближнего Востока). А экономический потенциал Саудовской Аравии равен «0,6414», т.е. составляет 64,14% от потенциала Турции (в ближневосточной подсистеме это второе по величине значение среди нормализованных показателей экономической мощи).

Кроме того, на основании минимально-максимальной нормализации квадрата сумм нормализованных переменных по каждому параметру был определен сводный Интегральный индекс потенциала реализации идеологием:

$$E^2 + M^2 + S^2 + H^2,$$

где **E** – экономический потенциал,

M – потенциал военной мощи,

S – потенциал «мягкой силы»,

H – потенциал ИЧР.

Все значения округлены до четырех знаков после запятой.

Таблица 1

**Матрица нормализации четырех переменных
и интегрального индекса (отсортировано по убыванию
значения Интегрального индекса)**

Государство	ВВП по ППС	1 / PwrIndx	Global Soft Power Index	ИЧР	Интегральный индекс
Турция	1	1	0,913	0,8254	1
Саудовская Аравия	0,6414	0,556	0,9293	0,9052	0,6819
Израиль	0,1492	0,7312	0,8768	1	0,6596
ОАЭ	0,247	0,2245	1	0,9828	0,5885
Египет	0,4997	0,9065	0,779	0,5948	0,5756
Иран	0,4776	0,7434	0,6649	0,6875	0,4792
Катар	0,0922	0,1785	0,904	0,8621	0,4521
Бахрейн	0,0269	0,1389	0,7246	0,9052	0,3845
Кувейт	0,074	0,1396	0,8025	0,8103	0,3734
Оман	0,057	0,1432	0,7373	0,778	0,3296
Иордания	0,0373	0,1335	0,7156	0,5711	0,2394
Ливан	0	0,0901	0,6486	0,5409	0,2004
Ирак	0,1554	0,2737	0,6105	0,4978	0,1999
Палестина	0,0102	0	0	0,5603	0,0838
Сирия	0	0,1817	0	0,2629	0,0232
Йемен	0,0201	0,1442	0	0	0
Среднее значение параметра	0,218	0,3491	0,6441	0,674	0,3919

Помимо значения потенциала в диапазоне от 0 до 1 по каждому государству в таблице 1 также указано среднее значение нормализованной переменной по каждому параметру. Если потенциал государства превышает среднее значение, это означает, что государство находится в сильном положении (при осуществлении нормализации через стандартное отклонение данное значение было бы положительным). В то же время потенциал ниже среднего зна-

чения означает ослабленное положение государства в данном ресурсном пространстве (при нормализации через среднее квадратичное отклонение переменная имела бы отрицательный знак). В рамках таблицы 1 государства в ослабленной позиции выделены серым цветом.

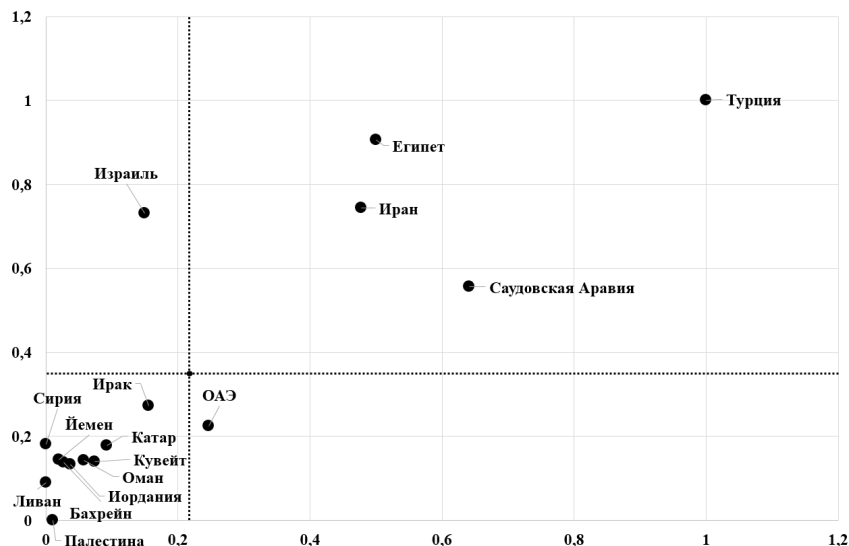

Схема 1. Сводная схема экономического (горизонтальная ось X) и военного (вертикальная ось Y) потенциала государств Ближнего Востока (пунктиром обозначены оси среднего значения по каждому показателю)

На основании схемы 1 может быть проведен сводный анализ потенциалов государств по двум векторам: экономическому (ось горизонтальных значений X) и военному (ось вертикальных значений Y). В рамках этих двух параметров четыре государства (Турция, Египет, Саудовская Аравия и Иран) находятся в сильном положении по обоим потенциалам. Еще два государства находятся в ослабленном положении по одному из двух параметров: Израиль по экономическому потенциалу, ОАЭ – по показателю военной мощи.

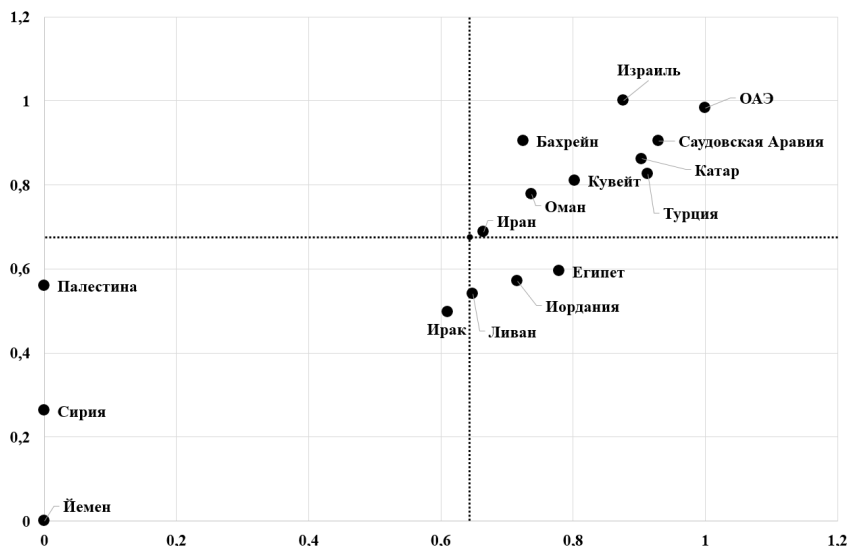

Схема 2. Сводная схема потенциала «мягкой силы» (горизонтальная ось X) и Индекса человеческого развития (вертикальная ось Y) государств Ближнего Востока (пунктиром обозначены оси среднего значения по каждому показателю)

Исходя из данных схемы 2 большая часть государств Ближнего Востока находится в сильном положении как по показателю потенциала «мягкой силы», так и по нормализованному значению Индекса человеческого развития. К таковым относятся Турция, Саудовская Аравия, Израиль, ОАЭ, Иран, Катар, Бахрейн, Кувейт, Оман.

Вместе с тем три государства находятся в ослабленном положении по показателю ИЧР (Египет, Иордания, Ливан), а еще у четырех государств (Ирак, Палестина, Сирия и Йемен) оба потенциала являются ослабленными (при этом у Йемена они оба равны «0»). Это связано в том числе с продолжающимися вооруженными конфликтами и общей нестабильной политической обстановкой в стране. Стоит также отметить, что по оси «мягкой силы» Ливан близко подошел к отметке, за которой находится ослабление этого показателя.

Классификация государств ближневосточной подсистемы

Оценивая показатели каждого из государств Ближнего Востока по каждому из четырех основных параметров, а также в рамках всей модели в целом, можно выделить четыре типа государств, исходя из соотношения их сильных и ослабленных положений.

1. Государства I типа (кроссрегиональные лидеры) по всем четырем базовым параметрам находятся в сильном положении. К таковым относятся Турция, Саудовская Аравия, Иран. Данные государства играют ключевую роль во всех региональных процессах и являются кросс-региональными лидерами, поскольку их внешняя политика и национальные интересы выходят за пределы региона Ближнего Востока.

2. Государства II типа (региональные лидеры) находятся в ослабленном состоянии только по одному из параметров. К данному типу государств относятся Израиль, ОАЭ, Египет. Эти государства являются региональными лидерами, которые стремятся стать кросс-региональными державами.

3. Государства III типа (средние или локальные державы) находятся в ослабленном состоянии по двум или трем параметрам, но при этом не имеют ни одного значения «0». К таковым относятся Катар, Бахрейн, Кувейт, Оман и Иордания. Государства данной группы играют важную (но не решающую) роль в региональных процессах и при этом могут стремиться к региональному лидерству, но пока не достигли его.

4. Государства IV типа (несостоявшиеся государства или находящиеся в затяжном кризисе) находятся в ослабленном состоянии по всем четырем параметрам или имеют значения «0» хотя бы у одной из переменных. К этой группе относятся Ливан, Ирак, Палестина, Сирия, Йемен. Данные государства охвачены войнами (вооруженными конфликтами) или находятся на грани своего существования как суверенных акторов международных отношений.

По итогам проведенного анализа потенциалов можно сделать вывод, что три государства I типа (Иран, Турция, Саудовская Аравия) в будущем потенциально могут стать центрами силы нового формирующегося полицентричного миропорядка. Важную роль в этом сыграют как сильные традиционные показатели военной

мощи или экономического потенциала, так и высокий потенциал «мягкой силы» и относительно высокие (в рамках Ближнего Востока) показатели Индекса человеческого развития. Кроме того, важную роль в этом сыграет способность формулировать, продвигать и реализовывать внутри- и внешнеполитические идеологии.

* * *

Как было выявлено по результатам анализа отклонения минимально-максимально нормализованных переменных от среднего значения, на Ближнем Востоке в настоящее время существуют и активно усиливают свое региональное влияние три кросс-региональных державы – Турецкая Республика^{26,27}, Королевство Саудовская Аравия^{28,29} и Исламская Республика Иран^{30,31}. При этом каждое из них активно продвигает как внутри-, так и внешнеполитические идеологии, стремясь достичь различных стратегических целей и задач. Изучение и понимание направленности, уровня важности и заложенных идей в идеологиях данных государств является крайне важным в контексте внешнеполитического курса Российской Федерации в первую очередь в регионе Ближнего Востока, а также в тех геополитических пространствах, в которых

²⁶ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – № 2. – С. 291–302. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.

²⁷ Гузаеров Р.И. Новая эпоха политики добрососедства Турции // Международные отношения. – 2022. – № 2. – С. 1–17. – DOI: 10.7256/2454-0641.2022.2.37854.

²⁸ Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в американско-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 53–66. – DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53.

²⁹ Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 131–161. – DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.

³⁰ Дунаева Е.В., Сажин В.И. Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 5. – С. 12–20. – DOI: 10.31857/S032150750009542-8.

³¹ Мамедова Н.М. Ситуация в Иране в свете новых санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и Мир. – 2020. – № 2 (24). – С. 159–175.

возможно столкновение интересов по линиям Москва – Анкара, Москва – Эр-Рияд, Москва – Тегеран.

Подводя итог по результатам исследования потенциала государств ближневосточной подсистемы международных отношений, можно сделать вывод, что в данном геополитическом пространстве одновременно сосуществуют государства, обладающие в значительной мере отличающимся потенциалом, включая кросс-региональные державы (Турция, Саудовская Аравия и Иран), региональных лидеров, а также локальные государства, потенциально имеющие шансы достичь регионального лидерства, а также государства, охваченные войной и политической нестабильностью.

России следует учитывать особенности построения и проведения идеологием обозначенными выше ближневосточными государствами с целью минимизации потенциальных точек конфронтации. Если же минимизация потенциального ущерба не представляется возможной, поскольку, например, противоречит стратегическим национальным интересам Российской Федерации, то анализ идеологием позволит Москве заранее подготовиться к возможным конфликтам и осуществить предварающие шаги, направленные на укрепление собственных позиций на переговорном треке в частности и в политическом пространстве в целом.

Таким образом, на современном этапе, с учетом происходящих глобальных процессов трансформации системы международных отношений, повышается значимость разнонаправленных исследований в идейно-ценностном пространстве межгосударственного взаимодействия, поскольку они открывают новые горизонты стратегического планирования и взаимодействия с ведущими мировыми державами и потенциальными центрами силы формирующегося нового мирового порядка.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль. – 2016. – № 5 (1659). – С. 27–38.
2. Аватков В.А. Новая система будущего Сирии: трехсторонний подход // Сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». – 06.04.2018. – URL:

- <http://ru.valdaicclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/> (дата обращения: 11.09.2023).
3. Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентрической системе международных отношений // *Обозреватель-Observer*. – 2018. – № 11. – С. 38–52.
 4. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // *Ближний и Постсоветский Восток*. – 2023. – № 1(1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.
 5. Аватков В.А., Крылов Д.С. Внешнеполитические идеологемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 163–174. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-163-174.
 6. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. – 2022. – № 2. – С. 291–302. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.
 7. Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // *Пути к миру и безопасности*. – 2017. – № 1. – С. 55–63. – DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-55-63.
 8. Бельнская М. Полуостров бурь: зачем Саудовская Аравия начала войну в Йемене // *РИА Новости*. – 26.03.2015. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1857491> (дата обращения: 10.09.2023).
 9. Гузаеров Р.И. Новая эпоха политики добрососедства Турции // *Международные отношения*. – 2022. – № 2. – С. 1–17. – DOI: 10.7256/2454-0641.2022.2.37854.
 10. Гузенкова Т.С., Бюрюков Е.С. Российский взгляд на будущее мирового порядка и международных отношений // *Российский институт стратегических исследований*. – 23.10.2017. – URL: <https://riss.ru/analitica/rossiyskiy-vzglyad-na-budushcheye-mirovogo-poryadka-i-mezhdunarodnykh-otnosheniy/> (дата обращения: 21.08.2023).
 11. Дегтерев Д.А. Содействие цивилизационному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2012. – № 2. – С. 47–58.
 12. Дунаева Е.В., Сажин В.И. Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов // *Азия и Африка сегодня*. – 2020. – № 5. – С. 12–20. – DOI: 10.31857/S032150750009542-8.
 13. Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 131–161. – DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.

14. Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.
15. Мамедова Н.М. Ситуация в Иране в свете новых санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и Мир. – 2020. – № 2 (24). – С. 159–175.
16. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 6. – С. 104–113. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113.
17. Никитина Н., Алексеева Н. НАТО по-арабски: возможно ли создание анти-иранского военного альянса между США и ближневосточными странами // RT на русском. – 31.08.2018. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/549848-ssha-vostok-objedinenie> (дата обращения: 10.09.2023).
18. Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 53–66. – DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53.
19. Подберезкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель-Observer. – 2016. – № 12 (323). – С. 15–25.
20. Пономарева Е.Г. Сумма методологии. Современная политическая наука // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 2 (57). – С. 179–184. – DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.10.
21. Стратегия национальной безопасности России 2021 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // Сайт Президента России. – 02.07.2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.09.2023).
22. Штоль В.В., Задохин А.Г. Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития // Обозреватель-Observer. – 2019. – № 1. – С. 5–20.
23. GDP, PPP (current international \$) 2022 // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (дата обращения: 12.09.2023).
24. Global Firepower 2023. – URL: <https://www.globalfirepower.com/> (дата обращения: 12.09.2023).
25. Global Soft Power Index 2022. – URL: <https://brandirectory.com/softpower/map?region=1&metric=1&statement=0> (дата обращения: 12.09.2023).
26. Guzansky Y. Defence Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test // Middle Eastern Studies. – 2014. – Vol. 5, Issue 4. – P. 640–654. – DOI: 10.1080/00263206.2014.901219.

27. Human development report 2021/2022 // United Nations Development Programme. – 2022. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22pdf_1.pdf (дата обращения: 12.09.2023).
28. Islamic Military Counter Terrorism Coalition // Official Website (web-archive). – URL: <https://web.archive.org/web/20191017073915/https://www.imctc.org/Arabic/FocusAreas> (дата обращения: 12.09.2023).
29. Kurtzer D., Seeley M. The Middle East's Evolving Security Landscape: Prospects for Regional Cooperation and US Engagement // IAI Papers. – May 2020. – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2010.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).